

Иван Горылович (Годинович)

А во стольнѣм городи во Киеви
Да у ласкова князя да у Владимира
Заводилосе столованьѣ, почесьѣн пир,
Да про многих князей дак многих бояров,
Да про сильних-могущих про богатырей,
Да про тех палениц да приудалыя,
Да про тех же купцей-гостей торговыя,
Да про тех про прожитосьных хресьянушок,
Да про тех же про вдов благотивые.
Да долог-от день шол ко вечору,
Красно солнышко катилосе ко западу,
Ко западу катилосе — ко закату;
Да весѣл-от пир да шол навесели.
Все на пиру дак пьяны-весѣлы;
Все на пиру дак приросхвастались:
Да вельможа-та хвастат да золотой казной,
Сильней-могущой да хвастат силою,
Да наезник-от хвастат да кóними добрыма,
Да глуп-от-де хвастат да тут родной сѣстрой,
Безпелюга где хвастат да молодой жоной,
Да безумн-от-де хвастат да красной девицей,
Мудр-от-де хвастат да оццом-матерью.
Да сидит на пиру удалой молодець
Да по имени Иван да сын Горыловиц.
Он не пьѣт где, не ест, сидит — не кушаѣт,
Своей белой лебѣдушки не рушаѣт.
Да спроговорит Владимир да стольне-киевской:
«Уж ты ой еси, удалой да доброй молодець
Да по имени Иван да сын Горылович!
Що же сидишь ноне — не пьѣшь, не ешь,
Да не пьѣшь-де, не ешь — сидишь, не кушаешь,
Моей белой лебѣдушки не рушаѣшь?
Я обнѣс тебя цярой да зеленым вином,
Ли з младых над тобой да хто ли тут надсмеялисе?»
Да ставаѣт бы Иван дак на резвы ноги,

Понижешенько он да поклоняицьсе:
«Уж ты ой еси, Владимир да стольне-киевской!
Не обнёс миня цярой да зелёным вином,
Да и млады надо мной да не смеелисе —
Я хоцю тут, Владимир, да я женитисе.
Дай мне, Владимир, да благословеньицо!»
Говорил-де Владимир да таково слово:
«Уж ты ой еси, Иван да сын Гориловиц!
Да бери ты, кого дак тебе надобно:
Хошь у князя, хошь ты дак у боярина,
Да у сильнёго-могущого у богатыря,
Хошь у той паленици где ли преудалое,
Хошь у купцей-гостей торговых же,
Хошь у тех у прожитосьних у хрисьянушок,
Хошь у тех-де у вдов у благочестивых же!..»
Говорил где Иван дак таково слово:
«Уж ты ой еси, Владимёр да стольне-киевской!
Есь у мня невеста да боґосу́зона
Да во том же во городи во Муроми
У того короля да муроменьского —
Есь бы Овдотья, да лебедь белая!»
Спроговорит Владимир да стольне-киевской:
«Уж ты ой еси, Иван да сын Горылович!
Не велю да брать Овдотью, да лебедь белую:
Она не будёт тебе она нонь не б́удёт жона —
Будёт всё ровно да как подпазушна змея!»
Тому слову Иван дак не ослышилсэ.
Да ставал бы Иван да на резвы ноги,
Да пошел бы Иван дак из застолья вон.
Да выходит Иван дак из застолья вон,
Крест-де кладёт дак по-писаному
Да поклоны ведёт-де по-учоному,
Благодарность приносил да за почесьён пир.
Да пошел бы Иван да тут из грыни вон.
Да выходит Иван дак на конюшин двор;
Брал он своёго да коня доброго,
Да седлал где, уздал да коня доброго,
Да застегивал двенацать да подпруг шолковых,
(Шпёночки у их были булатныя!)

Да тринадцату тянул да через степну
Да конну сбруню да богатырскую —
Он не ради басы, дак ради крепости,
Ради укрепы да молодецькое,
Ради поезки да боґатырьское —
Не оставил где конь тут во чистом поли.
Да поехал тут Иван да сын Горылович.
Да пошли бы поезку да боґатырску смотреть —
Да не видели, в котору да он стороночку поехал же;
Только видят: на чистом поли курёва стоит,
Курёва где стоит, дак дым столбом валит.
Ехал Иван дак по цисту полю;
Цисто где полё дак приизъедучи,
Приезджаёт к королю да к мурамецькому,
Приезджаёт тут к ему дак ко красну крыльцю.
Да соскакивал Иванушка с добра коня —
Не привязывал коня дак не прыказывал.
Дак пошел бы Иван дак на красно крыльцё,
Да заходит Иван дак на красно крыльцё;
Заходил где Иван дак на новы сени.
Заходил где Иван дак во светлу грыню,
Крест-от кладёт дак по-писаному
Да поклоны ведёт-де по-уцёному:
«Здрастуй, король дак мураменьской ты!» —
«Приходи-ко, Иван да сын Горыловиць!
Ты пришол ле ко мне, приехал ты по-старому,
Да по-старому пришол ко мне, по-прежнему —
Да во слуги пришол ко мне во верныя,
Да во верны-ти слуги да неизмен[н]ныя?..»
Говорил-де Иван да сын Горылович:
«Уж ты ой еси, король дак мураменьской же!
«Я пришол-де к тебе дак не по-старому,
Не по-старому пришол, дак не по-прежнему —
Не во слуги я пришол к тебе во верныя,
Да во верны-ти слуги да неизмен[н]ныя!
Я приехал тут о добром дели — о сватосви:
Есь у тебя Овдотья, лебедь белая,
Я сам-от приехал — тут-то сам жених.
Да не дашь ле за меня ею в замужесьво?»

Да не дашь добром — дак возьму силою!»
Говорыл-де король дак мураменьской же:
«Уж ты ей еси, Иван да сын Горыловиц!
Да вцера было погано тут Издолищо —
Я просватал тут Овдотью да за Издолища!»
Оворацивалса Иван, дак он сам вон пошел.
Да выходит Иван дак и<з> светлой грыни;
Да пошел он во горёнку столовую,
Да заходит во горёнку столовую,
Крест-де кладёт он по-писаному
Да поклоны ведёт-де по-уцёному.
Да сидит бы Овдотьюшка, да лебедь белая,
Да сидит на скамейки да белодубовой.
Да здоровалса Иван да сын Горыловиц:
«Уж ты здрастуй, Овдотья, да лебедь белая!» —
«Приходи-ко, Иван да сын Горылович!
Звать тут-де гостя, да не дозватисе,
Ждать бы его, дак не дождатисе —
Да тепереце да гость дак он и сам на двор!
Да тепереце пришол к нам ле по-старому,
Да по-старому пришол-ко к нам, по-прежнему —
Да служить ты во слуги ты во верныя,
Да во верны-ти слуги да неизмен[н]ыя?»
Да спроговорит Иван да сын Горыловиц:
«Уж ты ой еси, Овдотья, да лебедь белая!
Я пришол где к тебе не по-старому,
Не по-старому приехал, не по-прежнему —
Не во слуги я приехал служ[и]ть, да слуги верныя,
Не во верны-ти слуги, не в изменныя!
Я приехал о добром дели — о сватосьви:
Я приехал тут тепереце, я сам — жених,
За себя я тут приехал тебя сватацьсе.
Не йдёшь ле за миня дак ты в замужество?
Да добром где не йдёшь — дак возьму силою!»
Тому слову тут Овдотья да не ослышилась;
Стала Овдотья снарежатисе,
Поскорэшенько она да сподоблятисе.
Да средиласе она да сподобиласе —
Да пошли бы тут из горници столовое.

Приворотила тут она дак во светлу грыню,
Да прощалась он[а] с батюшком с родителём:
«Да умел ты меня, батюшко, споить-скормить —
Не умел ты ладом замуж повыдати!»
Да пошла бы она дак и<з> светлой грыни.
Выходили тут они да тут на улицу;
Да садились они дак на добра коня:
Да садилса Иван-от напереди ее,
Посадил тут ею дак за себя назад.
Да отправились они дак тут, поехали,
Выехали они дак на чисто полё.
Едут они да по чисту полю,
По тому по роздолью по широкому.
Да сустугла нонь была темная ночь.
Розоставил-де Иван-от свой-от бел шатёр;
Да легли отдыхать они во бел шатёр.
Нынь было да как во ту пору,
Да во ту где пору было, во то времё,
За которого просватана была дак за Издолища —
Дак приехало оно дак за Овдотьей, лебедь белое.
Да сказал бы король дак ему, мураменьской ж[е]:
«Уж ты ой еси, Издолищо поганоё!
Приезджал тут из города из Киева,
Приезджал где Иванушко Горыловиц —
Да увёз где Овдотью, да лебедь белую,
Да увёз тут ею дак за себя замуж!»
Тому же Издолищу за беду стало,
За велику досаду да показалосе;
Да поехал Издолищо в сугон за има.
Да ехал где Издолищо по чисту полю,
Да завидял Издолищо ле бел шатёр —
Приворацивал Издолищо к белу шатру.
Приезджаёт Издолищо к белу шатру,
Да соскакивал Издолищо с добра коня,
Заходил бы Издолищо во бел шатёр:
Да спят тут Иван да сын Горыловиц,
Спят бы они с Овдотьей, лебедь белое.
Замахнулса Издолищо саблей вострое,
Да хотел он срубить у Ивана тут буйну голову —

Сам-от Издолищо роздумалсэ:
«Да сонного убить — да как тут мёртвого!
Лучше его да побудить будёт.
Цья-то тут на поли будет дак Божья помощь?..»
Да скрычал-де Издолищо да громким голосом:
«Уж ты ой еси, Иван да сын Горылович!
Полно те спать, тут пора ставать!
Выдём тут мы на поедіну ведь —
Цья-то тут на поли будёт да Божья помощь?»
Тому слову Иван дак не ослышилсэ:
Пробужалсэ Иван дак от крепкого сну,
Выходил-де Иван дак он на улицу,
Да садилсэ Иван да на добра коня.
Выехали они на поедіну же.
Не два ясных тут сокола слеталосе —
Два удалых тут молоцца съезджалисе.
Они съехались, робята, — поздоровались:
Да воткнул где Иванушко Издолища вострым копьём,
Да вострым-де копьём ёго, тупым коньцём —
Вышиб Издолища из седла тут вон!
Попáдал Издолищо на сыру землю —
Наступал Издолищу Иванов-от конь на полы.
Да соска[ки]вал Иванушко с добра коня
Да зас[ка]кивал тут Издолищу на белы груди,
Да ростегивал он латы-ти булатныя
Да хотел бы пороть ёго белы груди,
Да смотреть у Издолища ретиво серцо —
Да забыл тут в шатри свой цинжалён нож.
Да скрычал тут Иван да громким голосом:
«Уж ты ой еси, Овдотья, да лебедь белая!
Да неси-тко из шатра да мой булатён нож!»
Тому слову Овдотьюшка не ослышилась,
Да тащит бы она да тут булатён нож.
Говорил тут Издолищо таково слово:
«Уж ты ой еси, Овдотья, да лебедь белая!
Да схвати-ко Иванушка ты за волосы,
Сдерьни Иванушка с миня сдой:
Да за мною будёшь жить — только царицей слыть,
За Иванушком будёшь жить — дак судомойницей».

Овдотьи те речи да прыглянулись,
Да весьма тут ее дак прылюбилисе:
Да сфатила бы она Иванушка ле за волосы,
Сдёрнула она да тут с Издолища —
Сдёрнула она бы тут с его сдой.
Да скакал бы Издолищо на резвы ноги —
Да опутали Иванушка в опутинки шелковыя,
Прывязывали бы Иванушка к сыру дубу,
Прывязывали бы они ёго живком же ведь.
Да легли бы тут с Овдотьей в Иванов-от во бел шатёр,
Легли бы тут они да тут спать-отдыхать.
Да Издолищо погано — тот призаспало,
Да Овдотьи, лебедь белой, — да не спицьсе же:
Выходила-де она была на улицу,
Да смотрела тут она дак ведь на сырой дуб,
На того же Иванушка Горыловича.
Да завидяла она дак на сыром дубу,
Показалосе ее: сидит два голуба.
Заходила тут она была во бел шатёр;
Говорыла бы Овдотья таково слово:
«Уж ты ой еси, погано да ты Издолищо!
Выходила тут-то я была на улицу,
Смотрела тут я да тут на сырой дуб,
За которой-де привя[за]н-от Иван Горылович,
Да завидяла на етом да на сыром дубу —
Да сидит было нонече два голуба.
Мне-ка голубинки да захотелосе!
Выходи-ко ты, Издолищо, на улицу,
Да бери-ко ты, Издолищо, свой-от тугой лук,
Натягай-ко тетёвочку шолковую,
Да бери-тко-се ты да калену стрелу,
Да застрель-ко-се ты да етих голубов:
Мне-ка так голубинки ведь хочицьсе!»
Тому слову Издолищо не ослышилсэ;
Да пошел бы Издолищо из бела шатра,
Брал бы Издолищо свой-от тугой лук,
Натягал-де тетёвочку шолковую,
Брал бы Издолищо калену стрелу,
Да стрелял ведь Издолищо в этих голубов.

Тут не голубы сидели — крылаты ангелы.
По воле тут было, да нонь по милости,
По Ивановой было дак, верно, учести:
Залетела тут она дак во сырой дуб,
От сыра от дуба да отпрянула назад
Да залетела тут Издолищу во белу грудь —
Да рострелила у Издолища белу тут всю грудь.
Тут про Издолща славы поют.
Тут-то Овдотьюшка расплакалась:
«От одного я бережку отъехала —
Да к другому я тепере не пристала же!»
Говорыл-де Иванушко таково слово:
«Уж ты ой еси, Овдотья, да лебедь белая!
Приходи-ко, Овдотьюшка, к сыру дубу
Да отпутай-ко опутинки шелковыя —
Да тогда мы поедём с тобою в стольне Киёв-град,
Тут-то поедём да овеньцеимсе!»
Тут-то Овдотьюшка зрадоваласе;
Да пошла бы Овдотьюшка к сыру дубу
Да отпутала опутинки шолковыя,
Отвязала бы Иванушка от сыра дуба.
Да пошел бы Иванушко к белу шатру,
Да брал он своёго да коня доброго,
Собирал он, Иванушко-то, бел шатёр
Да садилсэ Иван-от на добра коня,
Посадил где Овдотью да за себя назадь —
Да поехал Иванушко ко синю морю.
Приезджаёт Иван да ко синю морю,
Говорыл-де Иван-от таково слово:
«Уж ты ой еси, Овдотья, да лебедь белая!
Слезывай ты, Овдотьюшка, с добра коня,
Да бери-ка, Овдотьюшка, братынецьку серебряну,
Поцер[п]ни ты, Овдотьюшка, ключ[е]вой воды
Да напой-ко миня да ты, Иванушка!»
Слезывала Овдотья да тут с добра коня
Да брала тут брытынечку серебряну,
Говорила Овдотья да таково слово:
«Уж ты ой, Иван да сын Горылович!
Ты не пить, видно, хошь — только меня губить!»

Поцерпнула тут она да ключевой воды,
Подавала бы Иванушку Горыловичу.
Да напилса Иван-от ключевой воды,
Ухватил он свою да саблю вострую
Да срубил у Овдотьи да буйну голову.
Да соскакивал Иванушко с добра коня —
Выбросил голову дак на синё морё.
Сам тут ее дак прыговаривал:
«Полетай тут, глава, дак на синё морё —
Ты мне теперице не надобна:
Цоловала ты уста да ты поганого Издолища!»
Да отсек у Овдотьи да руку правою —
А выбросил руку дак на синё морё:
«Полетай ты, рука, дак на синё морё —
Обнимала ты, рука, дак ты поганого Изд[о]лища:
Мне ты тепереце не надобна!»
Да отсек у Овдотьи да ногу правую —
Выбросил ногу дак на синё морё:
«Полетай ты, нога, дак на синё морё —
Мне теперице нога твоя не надобно:
Заплётала ты ногой да ты поганого Издолища!»
Ухватил он товда дак сзади тулово —
И выбросил-то дак на синё морё,
Сам где ему дак приговаривал:
«Полети-тко ты ле, тулово, на синё морё —
Забавляласе с поганым да тут с Издолищом!»
Да заскакивал Иванушко на добра коня,
Да приехал Иван да стольне Киев-град.
Едёт тут Иван да он по городу по Киеву —
Пожилы-ти люди да все удивляющсе,
Малы-ти робята над им дак надсмехающсе:
«Ты здорово, Иванушко, женилсе —
Да ноне не с ким спать!»

(Зап. А. Д. Григорьевым 5 августа 1901 г.: д. Большие Нисогоры <Юромской вол.> — от Мартынова Александра Михайловича, по прозвищу Олёкса Малый (из д. Малые Нисогоры), 68 лет.)

Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг. Т. 3: Мезень. ССПб., 1910.